

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.62>

Дружинина Екатерина Андреевна

История семантического развития прилагательного ἠεροειδής в раннегреческом эпосе

В статье рассматривается первичное значение, а также история семантического развития прилагательного ἠεροειδής в поэмах Гомера и Гесиода. Лингвистический обзор гипотез об этимологии существительного ἄηρ, от которого было образовано данное прилагательное, показывает, что первоначально лексема ἄηρ была связана с идеей невидимости. Контекстуальный анализ гомеровской формулы ἐς ἠεροειδέα πόντων позволяет сделать вывод, что прилагательное ἠεροειδής в гомеровских поэмах, в первую очередь, означало "туманный". Однако уже у Гесиода, впервые употребившего данное прилагательное применительно к ночному мраку, происходит переосмысление, в результате которого лексема ἠεροειδής получила значение "темный".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/1/62.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 312-315. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.14; 821.14

Дата поступления рукописи: 06.12.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.62>

В статье рассматривается первичное значение, а также история семантического развития прилагательного ἡεροειδής в поэмах Гомера и Гесиода. Лингвистический обзор гипотез об этимологии существительного ἄηρ, от которого было образовано данное прилагательное, показывает, что первоначально лексема ἄηρ была связана с идеей невидимости. Контекстуальный анализ гомеровской формулы ἐς ἡεροειδέα πόντον позволяет сделать вывод, что прилагательное ἡεροειδής в гомеровских поэмах, в первую очередь, означало «туманный». Однако уже у Гесиода, впервые употребившего данное прилагательное применительно к ночному мраку, происходит переосмысление, в результате которого лексема ἡεροειδής получила значение «темный».

Ключевые слова и фразы: Гомер; раннегреческий эпос; цветообозначения; этимология; семантика.

Дружинина Екатерина Андреевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
k.druzhinina@rambler.ru

История семантического развития прилагательного ἡεροειδής в раннегреческом эпосе

Вопрос о цветовом восприятии в древности и об истории цветообозначений в древнегреческом языке является очень сложным и до конца не решенным. Гипотеза, что в языке Гомера обозначений для синего и зеленого цветов не существовало, поддерживается многими современными лингвистами [2]. **Актуальность** предлагаемой статьи состоит в исследовании данного вопроса на примере семантического развития лексемы ἡεροειδής, которую иногда относят к числу самых древних цветообозначений для темно-синего оттенка [22, S. 150-152]. **Научная новизна** статьи обусловлена тем, что в данной статье впервые на русском языке предпринимается исследование слова ἡεροειδής как цветообозначения. В монографиях, посвященных цветовой лексике древнегреческого языка, этой лексеме уделяют мало внимания, включая ее в разделы, описывающие лексико-семантическое поле «темноты» [6, S. 171-174; 10, S. 190-192]. **Цель** данной статьи – выяснить, каково было первичное значение прилагательного ἡεροειδής в гомеровских поэмах и было ли оно связано с каким-нибудь цветом или нет. Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) рассмотреть вопрос об этимологии существительного ἄηρ, от которого было образовано прилагательное ἡεροειδής, и 2) провести контекстуальный анализ тех пассажей, где встречаются существительное ἄηρ и прилагательное ἡεροειδής.

В этимологических словарях Прельвица [20, S. 10], Бузака [4, p. 17] и Шантрена [5, p. 26] можно обнаружить сопоставление ἄηρ и ἄηρ. Считая происхождение существительного ἄηρ в целом неясным, Фриск [8, p. 51-53] склонялся к тому, что оно восходит к корню ueg, выражавшему идею «укутывать». Пессимизм в отношении этимологии ἄηρ высказывал и Ф. Шпехт [21, S. 349].

Луи [18, p. 63-72] и Филипп [17, S. 188], постулируя тот же корень, полагали, что он выражает идею «привязанности, подвешенности». Филипп считала, что ἄηρ происходит из *FαιFεr, где первый слог представляет собой интенсивную редупликацию. Для обоснования второй дигаммы Филипп приводит формы дор. ἄβηρ и эол. αῦηρ; впрочем, начальная дигамма, как справедливо указывает Шантрен [5, p. 26], остается необъясненной.

Кроме того, не приводя своей этимологии, Шантрен [ibidem] отмечает проблему долготы начального гласного. Нельзя сказать, что исследователи обошли вниманием эту проблему. Так, Майстер объяснял долгое а- метрическим удлинением [19, S. 38], а Бекес возводил начальное а- к праиндоевропейскому ларингалу e² [3, p. 57].

Опираясь на Гесиода, Карл рассматривал χάος и ἄηρ как синонимы и считал, что ἄηρ, в первую очередь, означает «темнота», исходя лишь из этимологии χάος [13, S. 67]. Это значение, может быть, подходит для Гесиода и последующей космогонической традиции, но, кажется, не обязательно было первоначальным значением ἄηρ. С идеей «темноты» связывал это слово и Гладигов [9, S. 7].

На наш взгляд, большой шаг вперед в решении вопроса об этимологии и первичном значении ἄηρ сделал Кипарский [14, p. 624]. Сопоставления слов ἦος, ἦρι, αὔριον, ἄηρ, αῦρα, лат. auroga – лит. ausra позволяют ему выделить для всех перечисленных слов корень *aus, выразивший идею «тусклого света (туманности, непрозрачности)». Реконструкция для ἄηρ выглядит следующим образом: *aus-er > *auher > *ahuer > auer > aeg. Эта реконструкция позволяет снять проблему долготы начального гласного, на которую справедливо указывал Шантрен.

Семантические переходы Кипарского кажутся вполне убедительными: в ἄηρ постулируется вполне логичный переход от значения «тусклый свет» к значению «туман», а в ἦρι, αὔριον – переход от значения «тусклый свет» к значению «утренний туман», «утро».

Для уточнения семантики существительного ἄηρ обратим внимание на контексты, в которых это слово появляется в раннегреческом эпосе. В XVII песни «Илиады» Аякс, жалуясь на то, что невозможно разглядеть ахейцев, умоляет Зевса (II. XVII. 643-650):

ἀλλ' οὐ δύναμαι ιδεῖν τοιοῦτον Ἀχαιῶν
ἦερι γὰρ κατέχονται ὁμῶς αὐτοὶ τε καὶ ἵπποι
Ζεῦ πάτερ, ἀλλὰ σὺ ῥῶσαι ὑπ' ἥερος νῆας Ἀχαιῶν,
Ποίησον δ' αἴθρην, δὸς ὀφθαλμοῖσι ιδεῖσθαι

ἐν δὲ φάει καὶ ὄλεσσον... <...>

αὐτίκα δ' ἠέρα μὲν σκέδασεν καὶ ἀπῶσεν ὀμίχλην,

ἠέλιος δ' ἐπέλαμψε [11, p. 349]. / я никого такого не вижу среди ахейцев: ведь и они сами, и их кони покрыты ἠήρ. Зевс, владыка, спаси сыновей ахейян от ἠήρ, сотвори свет, позволь увидеть их глазами, а при свете губи... <...> тогда он [т.е. Зевс] рассеял ἠήρ, отогнал облако, и засияло солнце (здесь и далее перевод автора статьи. – Е. Д.).

Как видим, ἠήρ противопоставлено αἴθηρ (ясное небо), φάος (свет), ἠέλιος (солнце) и очень близко по значению к ὀμίχλη (мгла, туман). Возможно, поэтому ἠήρ иногда связывают с темнотой и переводят как «мрак» [1, с. 257]. Впрочем, употребляя эти слова, Аякс, кажется, хочет подчеркнуть только то, что ничего не видно.

И в других пассажах ἠήρ выражает идею «невидимости» как богов, так и людей и животных. В XVI песни «Илиады» покрытым «пеленой тумана» оказывается Аполлон, поражающий Патрокла (II. XVI. 790), а в XIV песни ἠήρ окутывает Гипноса и Геру, когда они летят к Иде (II. XIV. 282). Иногда боги укутывают «пеленой тумана» героев, которым они покровительствуют. Так, в «Илиаде» Афродита делает невидимым Париса, чтобы спасти его от копья Менелая (II. III. 381), Аполлон, желая спасти Гектора от Ахилла, делает его неуязвимым (II. XX. 444-446), Зевс скрывает облаком ахейцев, обступивших тело Патрокла (XVII. 268-270: ἀμφὶ δ' ἄρα σφι / λαμπρήσιν κορύθεσσι Κρονίων ἠέρα πολλήν / χεῦ [11, p. 337]. / Зевс разлил густой туман вокруг их сияющих шлемов), Гера делает невидимыми коней (II. V. 776, cf. VIII. 50). В «Одиссее» Афина покрывает облаком Одиссея, чтобы его не узнали феаки (Od. VII. 15: ἀμφὶ δ' Ἀθήνη πολλήν ἠέρα χεῦε φίλα φρονέουσ' Ὀδυσῆϊ [12, p. 87]. / Афина, будучи благосклонна к Одиссею, разлила вокруг него густой туман). Таким образом, краткий обзор употребления ἠήρ в поэмах Гомера показывает, что это слово появляется, когда нужно подчеркнуть идею «невидимости».

Интересный пример обнаруживается в XIV песни «Илиады», где ἠήρ противопоставлено αἰθήρ (небо). Гипнос, чтобы скрыться от глаз Зевса, забирается на высокую сосну, которая простирается от земли до эфира, проходя сквозь ἠήρ (II. XIV. 286-288):

ἐνθ' ὕπνος μὲν ἔμεινε πάρος Διὸς ὅσσε ἰδέσθαι,

εἰς ἐλάτην ἀναβὰς περιμήκετον, ἥ τὸτ' ἐν Ἴδῃ

μακροτάτῃ περυσῖα δι' ἠέρος αἰθέρ' ἴκανε [11, p. 271]. / Гипнос, забравшись на огромную сосну, которая была тогда самой высокой на Иде, доходя до эфира δι' ἠέρος.

Этот пример показывает, что ἠήρ ассоциировался с нижним слоем воздуха, а эфир – с верхним. Противопоставление ἠήρ – αἰθήρ не противоречит основному значению «туман», а скорее подтверждает его. Если αἰθήρ действительно родственно ἰθαρός («прозрачный, легкий»), как утверждает Дюрбек [6, S. 169], и означало у Гомера «невидимый нами, прозрачный слой воздуха», то ἠήρ должно было означать «видимый нами и непрозрачный слой», т.е. туман.

Луи постулирует для ἠήρ семантический переход от значения «облако», «невидимость» к значению «темнота» – «мрак» [18, p. 63-72]. Дюрбек не соглашается с выводом Луи, утверждая, что облако мыслится не темным, а белым [6, S. 243]. В защиту тезиса Дюрбека можно выдвинуть несколько соображений.

Во-первых, в поэмах Гомера ἠήρ никогда не сочетается с прилагательными со значением «темный», которыми так богат гомеровский язык, между тем как νεφέλη (туча), νέφος (облако), напротив, весьма часто характеризуются прилагательными вроде κυάνεος (темный или темно-синий: Od. XII. 75) или μέλας (черный: II. XVI. 350). Таким образом, кажется, можно провести грань между ἠήρ и νεφέλη (ἠήρ – облако, νεφέλη – туча).

Во-вторых, прилагательные, сочетающиеся с ἠήρ, обычно выражают не качественные (цвет, форма), а количественные характеристики. Постоянные эпитеты ἠήρ – πολλή (большой) и βαθεῖα (густой: II. XX. 446) выражают идею «густоты» облака, которое позволяет героям оставаться невидимыми.

Таким образом, мы склоняемся к тому, что ἠήρ в гомеровском языке означает скорее «светлый туман», чем «темная туча». Семантический переход от «тумана» к «темноте» представляется неубедительным. Никаких отрицательных коннотаций в гомеровском языке у существительного ἠήρ не наблюдается.

Вернемся к прилагательному ἠεροειδής, производному от ἠήρ.

Чаще всего ἠεροειδής выступает в качестве постоянного эпитета моря, образуя формулу ἠεροειδέα πόντον, легко укладывающуюся в клаузулу гекзаметрической строки (Hom. II. XXIII. 744, Od. II. 263, III. 105, 294, IV. 482, V. 164, 281, VIII. 568, XII. 285, XIII. 150, 176, Hes. Theog. 252, 873, Op. 620, H. Ap. 493). Лески [16, S. 164], Кобер [15, p. 76] и Фаренгольц [7, S. 109] видели в этом эпитете указание на ширину необъятного моря, которое смыкается вдаль с линией горизонта и потому кажется «туманным». Дюрбек постулирует семантический переход от первоначального более конкретного значения «скрывающийся в тумане» к более размытому значению «туманный» [6, S. 142]. Наряду со значением «туманный» Фаренгольц допускает значение «темный» [7, S. 109]. По мнению Феккенштедта, ἠεροειδής применительно к морю означало «темно-синий» [22, S. 152]. Хандшур справедливо отмечает, что это прилагательное могло быть и цветообозначением, но доказать это невозможно [10, S. 191].

Так как выражение, которое появляется всегда в определенной метрической позиции, представляет собой устойчивую формулу, выделить его первоначальное значение очень трудно. Отсутствие цветовой соотнесенности (т.е. цветочных эпитетов) у существительного ἠήρ, по нашему мнению, свидетельствует о том, что производное прилагательное ἠεροειδής было лишено определенной цветочной составляющей. Иначе говоря, нет оснований считать ἠεροειδής цветообозначением: в этом слове должна присутствовать идея невидимости, характерная для ἠήρ.

На наш взгляд, разгадать, что имелось в виду под «туманным морем» у Гомера, помогает контекст. В «Илиаде» это выражение появляется один раз, когда речь идет о плавании купцов по торговым делам. В «Одиссее» оно засвидетельствовано 10 раз. Эпитет появляется, когда речь идет о предстоящих или, наоборот, прошлых странствиях по морю. Алкиной так называет море, по которому боги запрещают феакам перевозить людей. Несмотря на формульный характер этого выражения, кажется, оно употребляется в определенных ситуациях неслучайно. Если у Гомера существительное *ἄηρ* отчетливо связано с идеей невидимости, может быть, *ἡεροειδής* применительно к морю описывает не только, как оно выглядит в определенную погоду, но и как оно ведет себя по отношению к человеку: море туманное, т.е. неявное, непредсказуемое и опасное, за которым скрываются неведомые человеку силы. Тогда употребление этого эпитета становится понятнее: боги запрещают феакам перевозить людей, потому что неизвестно, чем это может закончиться. Таким образом, идея невидимости, хорошо засвидетельствованная для существительного, возможно, представлена и в отыменном прилагательном.

Возможно, прояснить значение помогут примеры, где оно относится не к морю, а к другим объектам.

Интересующее нас прилагательное употребляется также применительно к скале, в которой находилась пещера Сциллы (Od. XII. 233). Веккенштедт и Фаренгольц считали, что *ἡεροειδής* и здесь означает «темный». Приведем контекст, который, по нашему мнению, поможет прояснить значение *ἡεροειδής*. Опасаясь, что Сцилла убьет его товарищей, Одиссей стережет Сциллу у выхода из ее пещеры (ст. 232-233: οὐδέ πη ἀθρήσαι δυνάμην' ἔκαμον δέ μοι ὄσσε / πάντη παλταίνοντι πρὸς ἡεροειδέα πέτρην [12, p. 168]. / и никак я не мог увидеть, у меня устали глаза, пока я вглядывался в *ἡεροειδέα πέτρην*). Очевидно, скала, где находилась пещера Сциллы, названа *ἡεροειδής* потому, что она осталась невидимой для Одиссея, будто скрывшись в тумане. Та же скала с пещерой описывается еще в начале XII песни: сама скала покрыта тучей (ст. 74-75: νεφέλη δέ μιν ἀμφιβηθήκει [Ibidem, p. 164]. / *κυανή* – ее окружала темная туча), а пещера называется *ἡεροειδής* (ст. 80-81: μέσσωι δ' ἐν σκοπέλωι ἐστὶ σπέος ἡεροειδέες / πρὸς ζόφον εἰς Ἔρεβος τετραμμένον [Ibidem]. / а посреди утеса есть пещера, обращенная на запад, к Эребу). Выражение *νεφέλη κυανή* (74-75) иногда привлекается для обоснования цветового значения *ἡεροειδής* в ст. 233 [10, S. 191]. Впрочем, *κυάνεος* совсем не обязательно означает в данном случае «синий»: *κυάνεος* применительно к тучам может означать и «густой», и «темный». Следовательно, *ἡεροειδής* в ст. 233 может означать «туманный», т.е. покрытый облаком. Одиссей заметил скалу и пещеру, но не мог увидеть самой Сциллы. При такой интерпретации становится понятным, почему скала называется *ἡεροειδής*. Выражение *πρὸς ἡεροειδέα πέτρην* можно рассматривать как своеобразную модификацию формулы *πρὸς ἡεροειδέα λόντων*, но при этом следует отметить, что употребление *ἡεροειδής* по отношению к скале неслучайно и придает картине дополнительную выразительность.

Иногда *ἡεροειδής* относится к другим пещерам. Так в XIII песни «Одиссеи» называется пещера нимф Наяд (Od. XIII. 103 = 347 и 366). В случае с пещерой Сциллы значение «темный» можно оправдать тем, что она вызывала ужас и потому могла быть названа темной. Тем более маловероятно видеть в *ἡεροειδής* отрицательную коннотацию и постулировать значение «темный» в случае, когда речь идет об изящном гроте, *ἄντρον ἐπήρατον*, который не должен был вызывать отрицательных эмоций. По нашему мнению, прилагательное *ἡεροειδής*, употребленное по отношению к столь различным пещерам, вероятно, указывает не на внешний вид, а на их «функцию». В этой пещере Одиссей собирался спрятать свои сокровища. В пещере можно спрятать вещи или скрыться самому, оказавшись невидимым, как можно скрыться в облаке. Таким образом, мы приходим к выводу, что и применительно к пещерам *ἡεροειδής*, скорее всего, цветообозначением не являлось.

Интересный случай употребления *ἡεροειδής* обнаруживается в V песни «Илиады», где оно субстантивизируется (Il. V. 770-772). Скачки быстрых коней измеряются здесь расстоянием, именуемым *ἡεροειδές*:

ὄσσον δ' ἡεροειδέες ἀνὴρ ἶδεν ὀφθαλμοῖσιν
ἦμενος ἐν σκοπιῇ, λεύσσαν ἐπὶ οἴνοπα λόντων

τόσσον ἐπιθρόσκουσι θεῶν ὑψηχέες ἵπποι [11, p. 101]. / такой скачок делают громкоржащие кони, сколько видит глазами человек, сидя на утесе, взирая на винное море.

Очевидно, картину можно представить так: человек находится на вершине скалы и смотрит на море, которое кажется ему бесконечным и смыкается вдаль с небом. По мнению Хандшур, *ἡεροειδέες* употреблено вместо формульного выражения *λόντος ἡεροειδής*, чтобы избежать двукратного повторения *λόντων* в ст. 770-771 [10, S. 192]. Если это так, *ἡεροειδέες* должно означать «морской туман» или «бескрайнее море», которое кажется туманным, потому что оно простирается так далеко, что не видно, где оно кончается. По нашему мнению, *ἡεροειδέες* совсем не обязательно является модификацией формулы *εἰς ἡεροειδέα λόντων*, засвидетельствованной в «Илиаде», в отличие от «Одиссеи», всего один раз. Следовательно, этим словом, возможно, обозначалось не само море, а далекий туман на горизонте, не позволяющий наблюдателю увидеть границу, где кончается море и начинается небо. Понимая *ἡεροειδέες* в таком духе, Дюрбек не исключает и цветового значения [6, S. 170], аргументируя его тем, что небо за горизонтом должно быть голубого цвета. Этот аргумент нельзя признать убедительным, потому что ни небо, ни море в раннегреческом эпосе никогда голубым не называется. Исходя из контекста, *ἡεροειδέες* должно было, в первую очередь, выражать идею «удаленности». Не так важно, какого цвета море и небо, важно, что расстояние, которое преодолевают кони за один скачок, очень велико. То, что далеко, почти всегда расплывается как в тумане, то, что близко, видно хорошо. Линия горизонта или небо, поднимающееся над морем, так далеко, что представляется наблюдателю «туманностью»: *ἡεροειδέες*.

У Гесиода прилагательное *ἡεροειδής* засвидетельствовано 4 раза: три раза в виде формулы *ἐν ἡεροειδέι λόντων* / *ἐς ἡεροειδέα λόντων* (Theog. 252, 873, Op. 620) и один раз применительно к туче (Theog. 757).

Стоит отметить, что у Гесиода море, названное ἠεροειδής, никогда не бывает спокойным. В пассаже Theog. 252 упоминаются nereиды с говорящими именами Кимодока и Киматолега, которые укрощают разбушевавшееся море. Хандшур считала, что в таком контексте эпитет ἠεροειδής в значении «туманный» неуместен [10, S. 190], потому что беспокойное море нельзя назвать «туманным». Вероятно, у Гесиода ἠεροειδής лишается своей первоначальной семантики и мыслится как стандартный, мало что означающий эпитет моря.

Один раз у Гесиода прилагательное ἠεροειδής употреблено применительно к туче, покрывающей ночь (Theog. 757: Νύξ ὀλοή, νεφέλη κεκαλυμμένη ἠεροειδεῖ). Очевидно, здесь ἠεροειδής означает «темный», хотя можно предположить, что в нем еще ощущается идея «зукутывания и затуманивания», характерная для гомеровского ἠήρ, при котором часто бывает глагол καλύπτω.

Опираясь на этот пример, Фаренгольц считал это значение доминирующим [7, S. 105]. Стоит, однако, отметить, что сочетание ἠεροειδής νεφέλη нельзя назвать традиционным для раннегреческого эпоса: в поэмах Гомера и довольно частотное существительное νεφέλη характеризуется другими прилагательными, и прилагательное ἠεροειδής, в свою очередь, сочетается с другими существительными. Вероятно, ἠεροειδής νεφέλη следует рассматривать как новаторское выражение Гесиода, которое побудило лексикографов и филологов предполагать для ἠεροειδής значение «темный».

Итак, рассмотрев употребление ἠεροειδής в раннегреческом эпосе, мы приходим к следующим **выводам**.

Скорее всего, в гомеровском языке ἠεροειδής означало «туманный» и ни с каким цветом не соотносилось.

Представленные выше примеры показывают, что у Гомера это слово было нейтральным и еще не приобрело эмоционально-экспрессивной окраски: так может называться и логово страшной Сциллы, и грот изящных nereид, и неведомое море, и туманная даль за горизонтом. У Гесиода, напротив, наблюдается эмоционально окрашенное употребление слова ἠεροειδής: так называется море, когда оно бушует, и мрачная туча, покрывающая ночь (νεφέλη ἠεροειδής). Именно под влиянием гесиодовского языка у данной лексики появилось значение «темный».

Список источников

1. Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича; издание подготовил А. И. Зайцев. Л.: Наука, 1990. 572 с.
2. Дружинина Е. А. Холодные цвета спектра в культуре архаической Греции // Древний мир и миф: классическое наследие в Европе и России: альманах. СПб., 2014. Вып. 5. С. 67-93.
3. Beekes R. S. The Development of the Proto-Indo-European Laryngals in Greek. Mouton, 1969. XXII+324 p.
4. Boisacque E. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Heidelberg – P.: Librairie C. Klincksieck, 1923. XXX+1123 p.
5. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque – Histoire des mots. P.: Éditions Klincksieck, 1968-1980. XVIII+1368 p.
6. Dürbeck H. Zur Charakteristik der griechischen Farbenbezeichnungen. Bonn: Habelt, 1977. 377 S.
7. Fahrenholz H. Farbe, Licht und Dunkel im frühgriechischen Epos: Diss. Hamburg, 1958. 112 S.
8. Frisk H. Griekiska ordstudier I-II // Eranos. 1934. Vol. 32. P. 41-56.
9. Gladigow B. Pneumatik und Kosmologie // Philologus. 1967. Bd. 111. H. 1-2. S. 1-20.
10. Handschur E. Farb- und Glanzwörter bei Homer und Hesiod, in den homerischen Hymnen und den Fragmenten des epischen Kyklos: Diss. Wien: Notring, 1968. III+230 S.
11. Homeri. Ilias / recognovit Helmut van Thiel. Hildesheim – Zürich – N. Y.: Georg Olms Verlag, 1996. XVIII+492 p.
12. Homeri. Odyssea / recognovit Helmut van Thiel. Hildesheim – Zürich – N. Y.: Georg Olms Verlag, 1991. XXXIII+338 p.
13. Karl W. Chaos und Tartaros in Hesiods Theogonie: Diss. Erlangen, 1967. 107 S.
14. Kiparsky P. Sonorant Clusters in Greek // Language. 1967. Vol. 43. P. 619-635.
15. Kober A. The Use of Color Terms in the Greek Poets: Diss. N. Y., 1932. 111 p.
16. Lesky A. Thalatta. Der Weg der Griechen zum Meer. Wien: Rohrer Verl., 1947. 341 S.
17. Lexikon des frühgriechischen Epos / begründet von. B. Snell. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1955. Bd. 1. XV+1794 S.
18. Louis P. Sur le sens du mot AHR chez Homère // Revue de Philologie, de Littérature et Histoire Anciennes. 1948. Vol. 22. P. 63-72.
19. Meister K. Die Homerische Kunstprosa. Leipzig: Teubner, 1921. VII+262 S.
20. Prellwitz W. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1905. XXIV+524 S.
21. Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1944. VII+432 S.
22. Veckenstedt E. Geschichte der griechischen Farbenlehre. Hildesheim: Gerstenberg, 1973. XV+203 S.

Semantic Development of the Adjective ἠεροειδής in the Early Greek Epos

Druzhinina Ekaterina Andreevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
k.druzhinina@rambler.ru

The article examines the original meaning and semantic development of the adjective ἠεροειδής in poems by Homer and Hesiod. The linguistic analysis of hypotheses concerning the etymology of the noun ἠήρ, from which this adjective derived, indicates that the lexeme ἠήρ was originally associated with the conception of invisibility. Contextual analysis of Homeric expression ἐς ἠεροειδέα πόντον allows concluding that in Homer's poems, the adjective ἠεροειδής meant "foggy". But Hesiod for the first time used this adjective to describe night darkness thus contributing to its reinterpretation, and the lexeme ἠεροειδής acquired the meaning "dark".

Key words and phrases: Homer; early Greek epos; colour terms; etymology; semantics.